

Лэ Уя вовсе не спешил начинать судебные разбирательства. Вместо этого он приказал сгрузить всю пойманную в притоне ораву игроков скопом в застенки южного района.

В один миг в тюремных коридорах стало на редкость шумно, заведение превратилось в настоящее подобие базарной площади.

Крики о невинности, грязная брань и взаимные упреки вчерашних собутыльников сливались в один непрекращающийся гул.

Поскольку Гэ Эрцы набрался дерзости и совершил открытый грабеж прямо на глазах у уездного судьи, его преступление сочли особо тяжким, а самого смутьяна заперли в отдельной камере, по соседству с той, где содержался ученый Мин.

Находившийся в беспамятстве Вэньжэнь Юэ очнулся как раз от его непрерывных и яростных стонов.

Его новая плоть и сам дух были одинаково истощены. Приняв целебный отвар лекаря, парень до этого момента пребывал в глубоком, тяжелом сне.

Едва продрав глаза, он решил, будто у него двоится взоре.

Еще вчера застенки пустовали, откуда здесь за одну ночь объявилось столько народу?

Но куда сильнее его поразил тот факт, что в соседней клетке оказался заперт до боли знакомый человек.

Если память не изменяла ему, этот пройдоха как раз и выступил тем самым посредником, что сосватал несчастного Чан Сяоху на угольный рудник...

Пускай Гэ Эрцы и получил ранение, однако стрела прошла навылет, не задев кость, так что парень отделался лишь разорванной плотью и сильной болью.

По-видимому, праведным была поговорка, что сорняк в поле не вянет: духом он не пал, а его непрерывное нытье и приглушенный крихтеж были вызваны скорее скукой да желанием привлечь к своей персоне побольше внимания со стороны стражи.

Поначалу он и не помышлял разглядывать, кто именно заперт в той мрачной камере. Но стоило Вэньжэнь Юэ зашевелиться и приподняться на нарах, как Гэ Эрцы разглядел его лицо и от неожиданности вздрогнул.

Из-за дела Чан Сяоху этот упрямый ученый Мин целых полгода изводил его своими дотошными расспросами, и Гэ Эрцы этот спесивый книжник осточертел так, что он каждый день мысленно

желал ему скорейшей кончины.

Кто же знал, что его проклятия исполнятся в точности, и парня действительно подведут под смертную статью.

Гэ Эрцы обладал типичной для уличного сброда изворотливостью. Внутренним чутьем он почуял, что дело пахнет жареным, однако соваться с расспросами не посмел, решив помалкивать и не отсвечивать.

Но соседство с обреченным на казнь смертником без всяких на то причин вызывало в его душе дикую панику и раздражение.

А потому он гаркнул на решетку:

— Чего zenки вылупил?!

Вэньжэнь Юэ от такой грубости опешил и недоуменно переспросил:

— За какие грехи тебя бросили за решетку? Неужто из-за дела Чан Сяоху?

Гэ Эрцы: ...

Это прямолинейное вопрошание заставило его занервничать еще сильнее. Огрызнувшись грубым «пошел вон», он обхватил руками раненую ногу, забился в самый дальний угол камеры и окончательно погрузился в тревожные думы, начисто позабыв о недавней боли.

Вэньжэнь Юэ коснулся пальцами губ, внезапно вспомнив строжайший запрет наставника Лэ Уя помалкивать и не вступать в разговоры.

Ощувив глубокую вину за свою оплошность, он нащупал на полу чистый мелкий камешек, обтер его краем халата и сунул в рот, дабы больше не соблазняться на речи.

Нынешней ночью лишился сна далеко не один Гэ Эрцы.

Смотритель тюрьмы южного района Чэнь Ван, который весь день проносился как заведенный по поручениям властей, едва успел прилечь отдохнуть, как слуги богача Чэня силой притащили его в поместье хозяина.

От крайнего недосыпа в его груди закипала глухая ярость, однако чину со своего теплого местечка он был обязан исключительно покровительству своего двоюродного дяди, а потому приходилось через силу натягивать на лицо угодливую улыбку.

Но стоило богачу Чэню вкратце поведать ему о том, как уездный судья среди бела дня разгромил и прикрыл притон «Цзисян», у зрителя от испуга весь сон как рукой сняло.

Он ведь и сам втайне вложил в этот доходный дом немалую долю своих сбережений!

Пока его сердце обливалось кровью от невосполнимой утраты монет, у богача Чэня на уме крутились совершенно иные думы.

Выслушав дальнейшие распоряжения хозяина дома, Чэнь Ван почувствовал, как у него внутри все леденеет от ужаса:

— То есть... вы велите мне саморучно избавиться от этого Гэ Эрцы?

Богач Чэнь нахмурился:

— Неужто брезгуешь?

Чэнь Ван поспешно замахал руками:

— Ни в коем разе, не смею перечить. Однако, дядя, нынешней ночью дежурю не я, на посту стоят чужие люди...

Богач Чэнь, подавляя подступившую к горлу панику, откинулся на спинку резного кресла:

— Стало быть, ты все же отказываешься исполнить мою волю.

У зрителя подкосились ноги от ужаса.

Он прекрасно понимал: то, что он может безбоязненно ходить в Наньтине королем, — целиком и полностью заслуга этого влиятельного родственника. Стоит лишиться его защиты, и он сам превратится в ничтожество.

Он с глухим стуком рухнул коленями на пол. В условиях смертельной опасности его разум заработал с поразительной четкостью, и он торопливо заговорил:

— Дядя, выслушайте сперва мои доводы, ведь дело не только в дежурстве! Вы сами изволили упомянуть, что судья Вэньжэнь загнал в застенки целую охапку игроков, там сейчас никак не меньше нескольких десятков душ. Камеры южного района забиты до отказа, повсюду лишние уши и чужие глаза, проверить такое дело незаметно сейчас попросту невозможно.

Эти доводы и впрямь были резонными.

Богач Чэнь задумчиво погладил бороду.

Ему и самому казалось, что события в уезде принимают какой-то совершенно непредсказуемый оборот.

Этот Вэньжэнь Юэ целыми днями бунтовал и требовал пересмотра дела ученого Мина, а тут вдруг резко сменил направление удара и без всяких на то причин разгромил притон клана Ли. И надо же было такому случиться, что среди игроков ошивался именно Гэ Эрцы, которого судья к тому же самолично подстрелил прямо на мостовой. Подобные совпадения неизбежно наводили на очень нехорошие мысли.

Но куда важнее был другой вопрос: где сейчас носит его заместителя, Сунь Жу?

Едва получив известие о погроме, богач Чэнь незамедлительно отправил людей на поиски своего чиновного союзника, дабы выведать, какую именно партию затеял этот пришлый барин.

Однако дежурные клерки в управе лишь разводили руками, утверждая, что заместитель Сунь отбыл по важным государственным надобностям и в канцелярии отсутствует.

Видя, что родственник погрузился в глубокие думы и хранит молчание, Чэнь Ван подняться с колен так и не отважился.

Лишь спустя время, за которое чашка чая успела бы остыть вполовину, богач Чэнь наконец разомкнул уста.

— Ступай в павильон Сихай и вели накрыть богатый праздничный стол... Как ни крути, а нам с этим уездным судьей уже давно пора встретиться лично.

Спустя четверть часа в руки Лэ Уя доставили приглашение, на котором чернила еще едва успели просохнуть.

Раз уж его звали, Лэ Уя охотно согласился на встречу.

Некоторые вещи действительно куда правильнее и надежнее обсуждать с глазу на глаз.

Однако, когда облаченный в простое гражданское платье Лэ Уя подошел к дверям павильона Сихай, он на мгновение замер и невольно отступил на полшага назад, внимательно оглядывая старинное здание.

Лунный свет укрывал землю, точно морозный иней, у входа высоко покачивались зажженные фонари, а изнутри доносились чистые, утонченные звуки цитры, с виду все казалось совершенно обычным.

Но Лэ Уя внутренним чутьем ощущал, что от этой ресторации веет какой-то пугающей странностью.

...Вокруг стояло гнетущее ощущение чужой, чересчур тщательной «зачистки», словно в стенах заведения сейчас укрывался какой-то невероятно важный имперский чин.

С подобными мерами предосторожности Лэ Уя в прошлой жизни сталкивался сплошь и рядом, а потому его чутье было обострено до предела.

Сердце его мгновенно ухнуло в бездну.

Неужто он просчитался в своих прогнозах?

Неужели этот богач Чэнь, коптивший небо в глухой провинции вдали от престола, на самом деле обладал столь могущественной опорой в столице?

Не успел он додумать эту мысль до конца, как на пороге заведения появился статный, полноватый мужчина средних лет с вытянутым лицом, чьи движения лучились барским достоинством:

— Господин судья Вэньжэнь, ничтожный торговец слишком поздно вышел встретить вас, прошу, не взыщите за оплошность.

Лэ Уя мгновенно спрятал все свои сомнения под маской абсолютного спокойствия:

— Господин Чэнь.

Богач Чэнь мягко улыбнулся и сделал приглашающий жест рукой:

— Прошу.

Этот пир состряпали на скорую руку, так что за столом они сидели вдвоем.

Стоило им занять места, как слуги принялись нескончаемым потоком подавать на стол изысканные яства.

— Все это лишь наши простые местные блюда, уповаю, что господин судья не станет брезговать столь скудным угощением, — богач Чэнь потянулся к изящному кувшину из цветного стекла. — До меня доходили слухи, будто ваш почтенный батюшка происходил из племени Цзин. В подвалах моего дома как раз завалилось превосходное виноградное вино. Прошу вас, судья, отведайте чашу и рассудите, насколько оно истинное и благородное.

В это самое время за тонкой стеной соседних покоев двое принцев империи в полном безмолвии сидели друг напротив друга.

Дабы не привлекать к себе лишнего внимания, они хоть и выкупили все жилые комнаты на верхнем этаже павильона Сихай, однако запрещать местным богатеям устраивать пиры на первом этаже не стали.

Они всего лишь устроились в лучших покоях ради позднего ужина и никак не ожидали, что станут невольными свидетелями столь сочной сцены: местный помещный воротила за чаркой вина обрабатывает уездного судью.

Шестой принц едва слышно обронил:

— ...Происходит из племени Цзин.

Седьмой принц хмыкнул:

— Шестой брат, в поднебесной уже давно воцарился мир и покой, и браки между нашими народами заключаются так часто, что их и по пальцам не счесть. Не стоит ведь сокрушаться и предаваться воспоминаниям всякий раз, едва заведя лицо с кровью Цзин, верно?

Шестой принц молча окинул его холодным взглядом.

«Я и словом не обмолвился о том, кто сейчас у меня на уме, так что к чему было так ядовито колоть меня?»

Алая влага в прозрачном кувшине отливала в лучах свечей сочным багрянцем, выглядя невероятно соблазнительно.

Лэ Уя в прошлой жизни осушил немало подобных сосудов и прекрасно знал, что это вино действительно отменного качества, да и хмель от него в голову особо не бьет.

Сам он при жизни славился тем, что мог в одиночку перепить целую палатку генералов, однако сейчас он занимал чужое тело и понятия не имел, какова была глубина винной бочки у прежнего Вэньжэнь Юэ. Рисковать и терять самообладание было нельзя, а потому он лишь пригубил вино, сделав один крошечный глоток.

Он уважительно кивнул:

— Отменный нектар.

Раз уж начальник не спешил заводить речь о делах управы, богач Чэнь тоже торопиться не стал, лишь учтиво наполнял его чашу до краев всякий раз, едва она пустела.

Лишь когда они осушили по три кубка, хозяин дома наконец плавно подвел разговор к истинной цели их встречи:

— Судья, когда вы только изволили прибыть в наш уезд ради службы, мне, как на грех, довелось подхватить суровый недуг, отчего я долгое время был прикован к постели. С тех пор хвори одолевают мое дряхлое тело одна за другой. Пожилому больному человеку было совершенно негоже являться пред вашими очами, уповаю на ваше великодушие и прощение.

Это были чистой воды дежурные светские речи.

На самом же деле, когда Вэньжэнь Юэ только-только занял судейское кресло в Наньтине, богач Чэнь действительно планировал устроить в его честь пышный пир, дабы наладить отношения с новым главой.

Однако этот юнец оказался настолько глуп, безволен и жалок, что его с первых же дней с потрохами зажала местная канцелярия, а всеми делами в уезде безраздельно стал править заместитель Сунь Жу.

И раз уж Чэнь Юаньвэй изначально сделал ставку на лагерь Сунь Жу, то для сохранения собственного благополучия ему следовало держаться выбранной стороны до самого конца.

Лэ Уя лукаво сощурил глаза:

— Пустяки, о чем речь. Господину Чэню не стоит так сильно корить себя. Годы берут свое, и в преклонном возрасте недуги — дело житейское. Ваше здоровье сейчас превыше всего.

Сам он явился на этот пир лишь ради одной цели — потянуть время и вдоволь поводить этого провинциального богатея за нос словесными прятками.

Уж в чем в чем, а в искусстве плести велеречивые кружева из пустых чиновничьих любезностей в поднебесной ему равных не находилось: в его голове этих фраз было заготовлено на добрый десяток томов.

Более того, заметив у входа в павильон ту небывалую настороженность, он в глубине души понимал: сейчас ему следовало вести себя как можно тише, дабы сначала досконально разузнать, что за силы скрываются на противоположной стороне.

Однако стоило ему вымолвить первую дежурную любезность, как Лэ Уя почувствовал неладное.

...Он начал слегка не выговаривать слова.

К его щекам внезапно прилила сильная волна обжигающего жара, отчего перед глазами все поплыло, и нахлынул сильный приступ головокружения.

«Да что со мной такое?» — мысленно изумился Лэ Уя.

Поскольку при жизни он обладал исключительной стойкостью к алкоголю, с подобным чувством ему сталкиваться еще не приходилось. Поразмыслив пару секунд, он сразу отбросил глупую мысль, будто богач Чэнь оказался настолько идиотом, чтобы пригласить чиновника на пир под собственным именем, а затем подсыпать ему в кубок яд.

...Похоже, он просто-напросто опьянел.

Истинный хозяин этого тела, Вэньжэнь Юэ, мало того что в обычное время к хмельному не прикасался, так еще и винная бочка у него оказалась на редкость дырявой.

К счастью, сам Лэ Уя успел сделать лишь один крошечный глоток.

Богач Чэнь пока не заметил странностей в поведении гостя, а потому продолжал без удержу сыпать сладкими речами, комплиментами, которые ничего ему не стоили:

— Премного благодарен господину судье за чуткость и понимание к нуждам ничтожного торговца. Я лишь промышляю в этих краях мелким промыслом, наживая скромное состояние, и все мое благополучие целиком и полностью держится на вашем покровительстве, судья. Вы ведь и сами происходите из купеческого рода, но благодаря великой монаршей милости и выдающимся талантам сумели занять это высокое судейское кресло седьмого ранга. В свое время я и сам всей душой стремился на государственную службу, да только способностей бог не дал, вот и пришлось податься в купцы. Глядя на это, понимаешь, что людская судьба переменчива, как ветер, и поговорка эта истинна. А раз так, то все тяготы и лишения нашего купеческого дела вам, судья, наверняка понятны как никому другому...

Свою речь богач Чэнь выстроил безупречно. В момент, когда он сделал выверенную паузу, его рука плавным, отточенным движением подала тайный знак за занавеску. Тотчас в покой быстрой и бесшумной походкой вошел личный слуга, неся в руках деревянный поднос, укрытый плотной алой парчой: слияние слов и действий вышло идеальным.

Шелк с подноса сдернули, и глаза Лэ Уя на мгновение ослепило яркое, режущее сияние чистого золота.

Прищурившись, он быстро пересчитал слитки.

Ровно двадцать лянов золота.

— Господин Чэнь, а вы, я гляжу, малый на редкость щедрый, — искренне восхитился Лэ Уя. — Высшие чины империи первого ранга получают в месяц девяносто два мешка казенного риса. Если перевести это на звонкую монету, ваше подношение как раз равняется их жалованью за целую четверть года. Поистине, ваши дела процветают, а богатство течет к вам бурной рекой.

Богач Чэнь сокрушенно вздохнул, и на его вытянутом желтоватом лице в тот же миг проступила весьма правдоподобная печаль:

— У всякого процветания есть своя цена, господин судья. Приходится тратить кучу жизненных сил, да и ублажать монетами приходится такое неисчислимое множество людей, что и по пальцам не счесть. И уж тем более нам не обойтись без вашего судейского заступничества.

Он выразительно указал пальцем на поднос со слитками и с глубоким чувством добавил:

— Вы славьтесь своей кристальной честностью и чистыми рукавами, и у ничтожного торговца нет и в мыслях очернить ваше доброе имя. Это золото всего лишь скромный залог, который побудет у вас на временном хранении. Дабы наши дела и впредь шли в гору, мне неизбежно придется задабривать вышестоящее начальство, и то, что вы станете использовать мои монеты ради устройства моего же блага, великий и тяжкий труд на вашу долю, за что мне остается лишь нижайше благодарить вас.

Лэ Уя не выдержал и приглушенно рассмеялся, плотно сжав губы.

Легкий хмель, затуманивший разум, казался ему на редкость непривычным и чуждым.

С непривычки он подпер голову ладонью и принялся в упор, не мигая, разглядывать богача Чэня.

Сам хозяин дома был твердо уверен, что его велеречивая тирада вышла безупречной, однако ожидаемого ответа от судьи так и не дождался.

Под этим пристальным, нечитаемым взглядом Судьи Чэнь Юаньвэй невольно повел глазами в сторону, ощущая, как по всему телу разливается глухой дискомфорт.

Богачу Чэню за свою жизнь не раз доводилось вести дела с высокопоставленными и облеченными властью сановниками, однако этот Вэньжэнь Юэ сейчас не походил ни на одного из них.

...Если говорить начистоту, в его облике сейчас проглядывало какое-то непредсказуемое, пугающее лукавство.

— Жить в богатстве и впрямь дело хорошее, — спустя долгую паузу наконец лениво и вальяжно протянул Лэ Уя. — Вот только тратить деньги вы, господин Чэнь, умеете, а вот подносить дары — абсолютно не горазды.

Лэ Уя намеренно растягивал слова, отчего в его голосе волей-неволей зазвучали капризные, капризно-избалованные нотки барича.

В соседних покоях у Седьмого принца, который вовсю грел уши у стены, рука с кубком в тот же миг намертво окаменела.

Этот тон... этот невыносимый тон показался ему до боли знакомым, словно он уже слышал его когда-то очень давно...

Шестой принц, напротив, остался совершенно невозмутим. Он неторопливо осушил свою чашу, не проронив ни единого слова.

У богача Чэня внутри все екнуло. Он сразу понял, что эти речи начальника не сулят ему ничего хорошего.

Он вымученно улыбнулся:

— ...Ничтожный купец глуп и недалек, уповаю, что господин судья снизойдет до того, чтобы наставить меня на ум.

Раз уж тот сам напрашивался на наставления, Лэ Уя церемониться не стал.

— В искусстве подношения даров существуют три главных запрета. Первый — это запрет на спешку. В обычное время вы и пальцем не пошевелите, дабы наладить отношения с чиновником, а как только прижмет и понадобится верная рука, в дикой панике бежите суетиться и искать лазейки.

При этих словах лицо богача Чэня мгновенно потемнело от злости.

— Второй запрет — на излишнюю прямоту. Вы даже не удосужились для начала свести дружбу с моими близкими людьми и доверенными слугами, а приперлись прямиком ко мне, судорожно прижимая к груди мешки с золотом. В приличном обществе подобные маневры зовут полным отсутствием манер и такта.

— И третий запрет — на пустые догадки. Вы ведь даже не потрудились разузнать, к чему

лежит душа у вашего начальника, а сразу решили завалить меня горой презренного желтого и белого лома. А ежели мне противны эти грязные слитки, и сердце мое жаждет совершенно иного? Получается, все ваши дары принесены впустую и потрачены зря.

— И обо всех этих тонкостях вы, господин Чэнь, прекрасно знаете и сами. Просто прежде вы свято верили, будто какой-то мелкий уездный судья седьмого ранга недостойн вашего драгоценного внимания и усилий. А как только над вашей головой грянул гром, и сроки прижали к стене, вы в полной растерянности примчались сюда, спешно волоча за собой золото ради дежурного ублажения властей...

Лэ Уя оперся руками о край стола и поднялся со стула, его слегка покачнуло.

— Впрочем, ваш покорный слуга великодушен, а потому не станет попрекать вас этими пустяками.

Чем сильнее хмель затуманивал его разум, тем отчетливею в голосе проглядывала былая надменность, с какой он в прошлой жизни привык разговаривать с нижестоящими.

Богач Чэнь оставался всего лишь обычным начетчиком-книжником. Его излюбленным оружием всегда было умение укутывать свои истинные подлые помыслы в кружева изящных и пышных фраз. Однако Лэ Уя в два счета сорвал с него всю эту глянцевую шелуху и безжалостно обнажил его гнилое нутро. Лицо поместного воротилы мгновенно налилось багровой краской от стыда и злости:

— Вы... Да как вы...

— Сколько бы вы, господин Чэнь, ни крутили словами, а суть одна: вам просто до смерти жалко расставаться со своим рудником. Шахта дает уголь, а уголь вы превращаете в чистое золото...

Лэ Уя небрежным движением выудил с подноса один золотой слиток, заставив его сделать несколько быстрых оборотов прямо на ладони, и заговорил сам с собой:

— Золото — вещь и впрямь чудесная, кто же станет спорить... Но скажите мне, господин Чэнь, столь прекрасное добро, умеет ли оно разговаривать?

Он разжал пальцы, и слиток с глухим металлическим звонком рухнул обратно в общую кучу:

— ...Способно ли оно сказать мне: «Господин судья, ничтожный раб без вины виноват»?

Именно эти слова, сотканые из крови и слез, истошно выкрикнул ученый Мин перед тем, как его сознание окончательно угасло в камере.

Подобная тирада была равносильна тому, как если бы Лэ Уя в открытую, прилюдно плюнул богачу Чэню прямо в лицо.

Хозяин дома никогда прежде не вращался в высших политических кругах и уж точно никогда в жизни не терпел подобного публичного унижения. Подавляя подступивший к горлу дикий ужас и невыносимый стыд, он резко обернулся к слуге:

— Скорее подхватите его! Наш судья мертвецки пьян!

— Да, я пьян. Вино у вас и впрямь отменное, да только мне оно не лезет в глотку.

Лэ Уя затуманенным взором высоко поднял кубок, принявшись дотошно разглядывать его на свет.

Белоснежная стеклянная чаша, алая влага внутри, зрелище неуловимо напоминало багряные цветы дикой сливы, распустившиеся посреди чистых зимних сугробов.

В тот же миг в его груди закипела и бурно хлынула наружу бывшая безудержная удаль.

Он сокрушительно повысил голос:

— Так извольте же, господин Чэнь, в одиночку осушить эту чашу, до краев налитую кровью простого люда!

Стоило фразе сорваться с его губ, как Лэ Уя размашистым движением выплеснул всю багряную влагу прямо в лицо богачу Чэню!

В соседних покоях за тонкой стеной воцарилось гробовое молчание.

Даже Шестой принц, который обычно ко всему на свете относился с полным безучастием, от удивления переменился в лице.

Если бы этот мелкий чиновник седьмого ранга просто со скромным видом отказался от увесистой взятки, в этом не было бы ничего удивительного.

Однако вся его гневная тирада наглядно доказывала: в жилах этого человека течет настоящая горячая кровь, у него есть железный хребет и гордая стать, а главное — его сердце истинно и без обмана радуется о нуждах обездоленного народа.

Шестой принц перевел взгляд на своего младшего брата:

— Чжиши, о чем ты только что размышлял?

— Ни о чем.

Седьмой принц уже успел вернуть лицу прежнее благообразное и кроткое выражение. Он изящным движением подцепил с тарелки кусочек лакомства и принялся неторопливо жевать.

В самые первые секунды этот уездный начальник и впрямь показался ему до безумия похожим на покойного учителя.

Однако все эти последующие пафосные речи о долге перед государством и защите простого люда... Из уст покойного Лэ Уя подобное благочестивое занудство не могло бы вырваться и под страхом смерти.

Не обращая ни малейшего внимания на остолбеневшего от ужаса лакея и багровеющего от невыносимого стыда богача Чэня, Лэ Уя резко взмахнул широким рукавом халата и стремительным шагом покинул покои. Стоило ему ступить на ночную мостовую, как в лицо ударил резкий порыв пронзительного зимнего ветра, который в один миг выветрил из его головы добрую часть хмеля.

Лэ Уя: ...

«Постойте-ка. Что за чертовщину я сейчас устроил?»

Он судорожно поднял руку к лобной кости и с силой потер ее ладонью.

Сам он всю жизнь считал себя человеком хитрым, изворотливым и на редкость расчетливым, а тут вдруг повел себя как глупый, обезумевший лесной олень, прущий напролом через чащу.

В его голове даже зародилась мысль: а ну как здешние края и само это новое тело просто прокляты и дурно влияют на его бродячую душу?

Неужто он ненароком умудрился подхватить какую-то порчу?

Погруженный в эти пугающие думы, он успел сделать всего несколько шагов по улице, как вдруг почувствовал неладное. Мужчина резко развернулся на каблуках.

Прежнее знакомое ощущение чьего-то пристального взора вновь накрыло его с головой.

Обернувшись назад, он замер. На фоне густых рядов темно-красных зажженных у входа фонарей, сквозь тонкую бумагу закрытых окон второго этажа отчетливо проступали два высоких силуэта. Один мужчина сидел у стола, а второй неподвижно застыл рядом во весь рост.

Один из этих силуэтов мягко положил ладонь на деревянную раму окна и слегка наклонил голову вниз, словно сквозь преграду смотрел прямо ему в глаза.

Губы Лэ Уя едва заметно дрогнули.

Там, на верхнем этаже...

Седьмой принц поднес кубок к губам и с иронией в голосе спросил:

— Шестой брат, а этот уездный начальник весьма недурен собой, не находит ли ваш взор?

Шестой принц медленно убрал ладонь с рамы окна:

— Из-за темени лица его не разглядеть.

— Если он пришелся вам по сердцу, придумайте способ забрать его с собой в столицу, — поддразнил Седьмой принц. — Пора бы уже разобраться с тем вашим зловещим предзнаменованием о несчастливом браке.

Шестой принц на мгновение глубоко задумался, а после совершенно серьезно ответил:

— Нельзя его забирать. Он честный и достойный чиновник, негоже портить ему репутацию и силой втягивать во дворцовые распри.

Седьмой принц на секунду опешил от такой прямолинейности, а затем заливисто захохотал, едва не падая со стула:

— Да ладно вам! Младший брат лишь в шутку обронил слово, а вы и впрямь принялись размышлять об этом?

Шестой принц резко развернулся к нему всем телом и с предельной торжественностью произнес:

— Чжиши, то предзнаменование звезд... Все эти годы на твою долю из-за меня выпало немало лишений и обид.

Услышав это, Седьмой принц мгновенно перестал смеяться и уставился на брата прямым, немигающим взглядом.

Он всем сердцем ненавидел эту чужую заботу, однако на его лице в тот же миг вновь расцвела привычная маска абсолютной, чистой невинности:

— О чем это старший брат толкует? Мы ведь были рождены в один и тот же час одного дня, наши гороскопы ба-цзы полностью совпадают, а нити судьбы переплетены намертво. Раз уж вам звездами заказано брать жену, то и у меня, как на грех, к семейной жизни душа никогда не лежала.

Заметив, что Шестой принц собирается возразить, Седьмой принц вальяжно откинулся на спинку кресла, бесцеремонно оборвав его на полуслове:

— ...К тому же воля небес непреклонна. Что мы можем изменить?

Внизу, на ночной улице, мысли Лэ Уя все еще пребывали в легком хмельном тумане. Он продолжал стоять, задрав голову кверху и вглядываясь в закрытое окно второго этажа. Лишь когда силуэт за бумажной ширмой бесшумно растаял, а рука незнакомца покинула раму, он наконец заставил себя отвести глаза.

Мужчина обернулся и мимоходом заметил, что на мостовой началось какое-то странное шевеление.

Немногие торговцы, что еще не успели свернуть свои лавки, то и дело испуганно шептались, испуганно поглядывая в сторону южного конца длинной улицы.

Совсем неподалеку от павильона Сихай в густой тени подворотни притаился какой-то человек. Согнув спину и втянув голову в плечи, он воровато крался вперед, как вдруг поднял взгляд и нос к носу столкнулся с пристальным, изучающим взглядом Лэ Уя.

Лэ Уя удивленно вскинул брови. Он извлек из-за пазухи свой складной веер и небрежным, едва заметным движением указал незнакомцу на соседний темный переулок, призывая следовать за собой.

Тот оказался парнем сообразительным: мгновенно повернул налево и бесшумно скрылся в глухом тупике.

Лэ Уя быстрым шагом, на ходу обмахиваясь веером, направился вслед за ним.

Пронизывающий до костей ночной ветер нещадно бил по лицу, помогая остаткам винного хмеля стремительно покинуть его голову.

Стоило Лэ Уя завернуть в тот же темный переулок и убедиться, что вокруг нет лишних ушей, как он сразу спросил:

— Зачем ты покинул пост?

Незванным гостем оказался тот самый однорукий беглый солдат.

В этот миг от его дневной уличной расслабленности не осталось и следа, в движениях проглядывала четкая, рубленая армейская выправка:

— Господин судья, покойника, о котором вы толковали, доставили в ледник часа два назад. А чуть позже, минут тридцать назад, объявился и тот человек, о котором вы предупреждали.

Накануне Лэ Уя велел своему заместителю Сунь Жу извлечь полусгнившие останки Чан Сяоху из могилы и временно перевезти их в ледник при пригородном похоронном амбаре.

Одновременно с этим он выдал калекам-дезертирам пригоршню монет, приказав им досыта накормить маленького бродяжку, а затем тайно пробраться в похоронный амбар и затаиться там прямо среди гробов и мертвецов.

Его приказания были краткими и предельно понятными:

«Следить в оба глаза за новоприбывшим трупом. Если кто-то переступит порог и попытается сотворить с останками что-то подозрительное, без лишних разговоров ломайте ему ноги».

Лэ Уя вальяжно покачал веером:

— Сломали?

— Сломали, — однорукий нищий не удержался и смущенно ухмыльнулся. — Вот только... парни увлеклись малость, сгоряча лишнюю кость перебили.

— Пустяки, дело житейское. Сказать он успел хоть слово перед этим?

— Орал, будто он здешний официальный коронер-выпивоха и явился осматривать тело по вашему личному судебскому указу. Мы дослушивать не стали, сразу вырубili его точным ударом в челюсть. У меня нога цела, бегаю шустро, вот брат и велел мне тайком пробраться к вам в город, дабы вывести: что нам с этим добром дальше делать?

Из дальнего конца длинной улицы до ушей Лэ Уя донеслись едва различимые, надрывные крики и слезный плач.

Голоса за пределами глухого тупика становились все громче и отчетливее. Сквозь общий гомон уже можно было разобрать фразы вроде «вдова Су» и «осквернение могилы».

Лэ Уя проигнорировал шум и задал встречный вопрос:

— Зачем вы перетащили его внутрь ледника?

Однорукий солдат на мгновение растерялся, но сообразил мгновенно и торопливо ответил:

— Мы вдвоем увидели, что маленький бродяжка тяжело ранен. В полной панике мы решили обыскать покойника в похоронном амбаре, дабы раздобыть хоть какие-то ценности на его лечение. Там мы случайно столкнулись с этим человеком и в драке случайно покалечили его... В общем, к вашей милости, господин судья, это не имеет абсолютно никакого отношения!

Лэ Уя покачал головой:

— Неверно.

Однорукий боец внутри похолодел от страха. Он мысленно прокрутил свои слова еще раз, но так и не понял, где допустил промашку, а потому осторожно и почтительно спросил:

— Судья, а что именно не так?

— Оправдание «случайно покалечили в драке» никуда не годится, — Лэ Уя заговорил ровно и наставительно. — Подумайте над этим еще раз. Разберите все до мельчайших деталей, чтобы в вашей истории не оставалось белых пятен. Сведите все подробности воедино. А лучше всего, возвращайтесь в похоронный амбар и разыграйте всю сцену на месте заново.

Однорукий солдат оказался парнем сметливым:

— Понял, господин судья. Я еще разок хорошенько пораскину мозгами, обещаю состряпать все без сучка и задоринки... Что нам с братом делать дальше?

— От крайнего испуга после того, как вы избили человека, в ваших душах возобладал страх, а потому вполне естественно, что вы подхватили раненого под руки и прямиком направились в судебную управу, сдаваться с повинной.

— А... вы, господин судья?

Лэ Уя с глухим щелчком захлопнул веер прямо на ладони и с улыбкой произнес:

— Твоему судье, разумеется, пора умыть лицо да отправляться в зал заседаний, судить преступников.

<http://bllate.org/book/18193/1786012>